

М.О. Дмитриева, К.С. Кудрявцев, М.А. Трошенков

Геополитика по-турецки: Центральная Азия во внешней политике Турции

Аннотация. Данное исследование посвящено всестороннему анализу центральноазиатского вектора внешней политики Турецкой Республики. В работе исследуются ключевые аспекты турецкого влияния, охватывающие сферы гуманитарного, экономического сотрудничества и взаимодействия в области безопасности. Особое внимание уделяется идеологическим основам внешней политики Турции в регионе, в первую очередь концепциям турецкого евразийства и неопантюркизма. Ключевым институциональным инструментом выступает Организация тюркских государств (далее — ОТГ). В статье подробно исследуется роль ОТГ как платформы для реализации внешнеполитических интересов Турции в Центральной Азии (далее — ЦА). В работе приводится комплексный анализ достижений Турецкой Республики в ЦА по указанным направлениям. Авторы также представляют сравнительный анализ политики Анкары с действиями других ведущих партнеров центральноазиатских государств, прежде всего России и Китая. На основе этого сравнения выявляются вызовы и ограничения, препятствующие реализации неопантюркистских амбиций Анкары в условиях многовекторности внешней политики стран региона.

Ключевые слова: Турция, Центральная Азия, внешняя политика, геополитика, неопантюркизм, турецкое евразийство, Организация тюркских государств, экономическое сотрудничество, безопасность.

Авторы: *Дмитриева Марина Олеговна*, к. полит. н., доцент кафедры международных отношений Восточного института ДВФУ, Заместитель Директора Восточного института по науке и инновациям. ORCID: 0000-0003-1010-5108.

E-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Кудрявцев Климентий Сергеевич, студент 4-го курса образовательной программы «Международные отношения» Восточного института ДВФУ.

ORCID: 0009-0008-6275-5915. E-mail: kudryavtcev.ks@dvfu.ru

Трошенков Максим Андреевич, студент 3-го курса образовательной программы «Востоковедение и Африканистика» Восточного института ДВФУ.

ORCID: 0009-0007-2959-4593. E-mail: troshenkov.ma@dvfu.ru

Marina O. Dmitrieva, Klimentii S. Kudriavtsev, Maksim A. Troshenkov

Turkish-Style Geopolitics: Central Asia in Turkey's Foreign Policy

Abstract. This study is dedicated to a comprehensive analysis of the Central Asian vector in the foreign policy of the Republic of Turkey. The paper examines key aspects of Turkish influence, covering humanitarian, economic cooperation, and security interaction. Particular attention is paid to the ideological foundations of Turkey's foreign policy in the region, primarily the concepts of Turkish Eurasianism and Neo-Pan-Turkism. The Organization of Turkic States (hereinafter — OTS) serves as a key institutio-

nal tool. The article thoroughly examines the role of the OTS as a platform for realizing Turkey's foreign policy interests in Central Asia (hereinafter — CA). The paper provides a comprehensive analysis of the Republic of Turkey's achievements in Central Asia in these areas. The authors also present a comparative analysis of Ankara's policy with the actions of other leading partners of the Central Asian states, primarily and Russia and China. Based on this comparison, challenges and limitations hindering the realization of Ankara's Neo-Pan-Turkist ambitions in the context of the multi-vector foreign policy of the region's countries are identified.

Keywords: Turkey, Central Asia, foreign policy, geopolitics, Neo-Pan-Turkism, Turkish Eurasianism, Organization of Turkic States, economic cooperation, security.

Authors: *Dmitrieva Marina Olegovna*, Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of International Relations, Oriental Institute, FEFU, Deputy Director of the Oriental Institute for Science and Innovation.

ORCID: 0000-0003-1010-5108. E-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Kudriavtsev Klimentii Sergeevich, 4th-year student of the “International Relations” educational program, Oriental Institute, FEFU. ORCID: 0009-0008-6275-5915. E-mail: kudryavtcev.ks@dvfu.ru

Troshenkov Maksim Andreevich, 3rd-year student of the “Oriental and African Studies” educational program, Oriental Institute, FEFU. ORCID: 0009-0007-2959-4593. E-mail: troshenkov.ma@dvfu.ru

Концептуальные и идеологические основы внешней политики Турции в Центральной Азии

Внешняя политика современной Турецкой Республики в отношении Центральной Азии носит комплексный и многовекторный характер. Её ключевым компонентом выступает так называемое турецкое евразийство, которое подразумевает стратегическую диверсификацию внешнеполитического курса Анкары в условиях перманентной глобальной турбулентности. Данная внешнеполитическая доктрина представляет Турцию в качестве узла, связывающего Восток и Запад, Европу и Азию. Если же, рассматривать Евразию через призму географических понятий и рассуждений, то Турция — как в современных, так и в исторических границах по праву считается евразийской страной [Шлыков, 2017, с. 59]. В данном контексте географическое положение Турецкой Республики вполне могло сыграть важную роль в переосмыслении своих внешнеполитических приоритетов в пользу Евразии.

Идеологическое обоснование этой концепции берет свое начало в период тщетных попыток интеграции Турции в Европейский Союз, окончания Холодной войны и последовавшим вслед распадом СССР. Распад СССР обусловил открытие новых географических пространств для потенциальной внешнеполитической деятельности, ранее бывших недоступными для Анкары, возникла серьезная необходимость в пересмотре своего места на международной арене, так и в Евразии [Аватков, 2024, с. 24]. В академических и политических кругах Турции в конце 1990-х и начале 2000-х годов распространялись идеи радикального переосмысления внешнеполитических и геополитических приоритетов страны. В частности, в идеях такого видного интеллектуала, как Догу Перинчек, имели место

быть рассуждения о том, что роль Турции заключается не в ориентации исключительно на Запад, но и в развитии многосторонних связей со странами Евразии, т. е. с Россией, Китаем, Ираном, и тюркоязычными государствами ЦА и Кавказа — Казахстаном, Кыргызстаном, Туркменистаном, Узбекистаном и Азербайджаном. В этих идеях Турции отводилась роль не просто «моста», а ключевого центра Евразии, способного стать важным актором в формировании многополярного миропорядка, особенно на пространстве Евразии.

Исторический контекст турецкого евразийства связан прежде всего, как было упомянуто выше, с геополитическими изменениями, произошедшими в 1991 г. и после. Обретение независимости тюркоязычными государствами ЦА и Кавказа дало Турции возможность взаимодействия с регионом, с регионом, традиционно рассматриваемым как часть «тюркского мира» и обладающим историко-культурной, что в свою очередь позволило укрепить их и поспособствовало становлению региона хорошим естественным полигоном для испытания новых внешнеполитических доктрин на практике [Шлыков, 2017, с. 59—60]. Активный характер внешней политики Турции по отношению к постсоветским республикам ЦА и Кавказа в первой половине 1990-х годов демонстрировал наличие у Анкары собственной версии евразийского проекта [Шлыков, 2017, с. 71]. Однако, если в первые годы независимости постсоветских республик акцент делался преимущественно на культурно-гуманитарное сотрудничество, образовательные инициативы и идеологическую солидарность пантюркистского толка, то современный подход стал значительно более прагматичным и институционализированным. Нынешняя стратегия Турции характеризуется усилением экономического взаимодействия, включая инвестиции и инфраструктурные проекты, а также наращиванием военно-технического сотрудничества.

Между политикой Турции в ЦА в 90-е годы и сейчас есть различия

География применения турецкого евразийства, хотя и охватывает обширные регионы, однако в контексте Евразии в современной Турции понимаются именно тюркоязычные республики ЦА и Кавказа [Аватков, 2024, с. 26]. Вместе с тем основной акцент обусловлен их стратегической важностью как ключевых транзитных хабов, значительным энергетическим потенциалом и перспективами для диверсификации внешнеэкономических связей. Таким образом, эти регионы становятся важными партнерами в построении новой евразийской архитектуры, где Турция стремится играть роль одного из ключевых центров силы. Особо важно подчеркнуть, что после успехов в Нагорном Карабахе, стал очевидным новый всплеск активности в ЦА и на Кавказе, Турция активно развивает взаимодействие и укрепляет интересы в Грузии и даже нацеливается на Афганистан, где некоторая населения считаются этническими узбеками [Турецкое евразийство..., 2021]. Расширение интересов Турции на Грузию и Афганистан демонстрируют готовность выходить за рамки исключительно тюркского мира, используя тюркские корни как один из инструментов влияния, при этом преследуя более широкие геополитические цели. В свете укрепления своих позиций и расшире-

ния географии и амбиций, возникает острая необходимость в концептуализации турецких внешнеполитических действий. Активизация Турции в ЦА, уже не вписывается в рамки неоосманизма, а является версией турецкого евразийства [Турецкое евразийство..., 2021]. Данное разграничение является принципиально важным, поскольку неоосманизм традиционно ориентирован на территории бывшей Османской империи и базируется на историко-культурном и религиозном имперском наследии. Однако в Центральной Азии, где османского владычества не существовало, турецкая политика основывается на более сложном подходе, сочетающем в себе пантюркистские идеи.

Конкретные примеры реализации концепции турецкого евразийства в Центральной Азии наглядно демонстрируют прагматичный и многовекторный подход Анкары к формированию своего влияния на континенте. Ключевым направлением является стратегическое продвижение так называемого «Среднего коридора» (Middle Corridor) — мультимодального транспортного маршрута, который вписывается в евразийскую парадигму Турции как инструмент для воссоединения торговых путей между Китаем и Европой через Центральную Азию, Каспийское море, Азербайджан, Грузию и саму Турцию. Анкара активно инвестирует в развитие этой транспортной артерии, модернизируя железнодорожный маршрут Баку—Тбилиси—Карс (БТК) и способствуя развитию паромных перевозок через Каспий, что позволяет интегрировать центральноазиатские экономики в свою логистическую и торговую орбиту [Эршен, 2022, с. 122]. В энергетическом секторе турецкое евразийство проявляется в стремлении к диверсификации источников энергии за счет центральноазиатских ресурсов, хотя масштабные проекты, такие как Транскаспийский газопровод, сталкиваются с геополитическими препятствиями, что подчеркивает сложность реализации энергетических амбиций в условиях конкуренции региональных держав.

Кроме того, Турция активно стремится к укреплению своего участия в региональных многосторонних инициативах, о чем свидетельствует её статус партнера по диалогу в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и регулярное участие в её мероприятиях, демонстрируя желание Анкары быть неотъемлемой частью широкого евразийского диалога и процессов региональной безопасности [Эршен, 2022, с. 119—121]. Дипломатические усилия направлены на углубление двусторонних отношений с ключевыми евразийскими игроками, такими как Россия и Китай, в контексте их центральноазиатских интересов, что позволяет Турции умело балансировать между различными центрами силы и продвигать свои евразийские интересы в условиях сложной многополярной архитектуры.

Организация Тюркских государств как институциональная площадка реализации внешнеполитических целей Турции в ЦА

В рамках амбициозного многовекторного внешнеполитического курса, направленного на утверждение статуса региональной державы и влиятельного актора на глобальной арене, Турция активно использует Организацию Тюркских государств в качестве ключевой институциональной площадки для реализации

внешнеполитических целей, особенно в ЦА. С момента своего создания в 2009 г. как Тюркского совета и последующей трансформации в полноформатную организацию в 2021 г., ОТГ стала важнейшим инструментом Анкары для проецирования своего влияния на регион посредством мягкой силы, экономической кооперации и сотрудничества в сфере безопасности. Роль ОТГ выходит далеко за рамки простого интеграционного объединения тюркоязычных республик — организация становится инструментом, посредством которого Анкара стремится к лидерству в тюркском мире в рамках концепции неопантюркизма и к поддержанию своих евразийских устремлений. Внешнеполитическая проекция неопантюркистской доктрины Турции имеет специфические целевые установки. Среди ключевых задач выделяется формирование образа Турции как центра притяжения и консолидирующей силы для этнически родственных государств и народов [Бурашникова, 2013, с. 68]. Данная цель является ядром неопантюркистской доктрины, которая в отличие от исторических пантюркистских движений, имеет ориентацию не на прямое территориальное объединение, а на формирование сферы влияния и мягкой силы через институциональные механизмы, как раз такие как ОТГ и культурно-просветительские организации, такие как:

- 1) агентство сотрудничества и развития тюрков» при МИД Турции — ТИКА;
- 2) международная организация тюркской культуры — ТЮРКСОЙ;
- 3) фонды Юнуса Эмре;

4) школы Ф. Гюлена (движение «Хизмет») [Гасанова, 2021, С. 53]. Важно отметить, что после попытки государственного переворота в Турции в 2016 г. официальная Анкара инициировала процесс повсеместного закрытия учебных заведений движения «Хизмет» в странах Центральной Азии. В большинстве республик региона данные школы были либо ликвидированы, либо национализированы и полностью реорганизованы с целью устранения влияния Ф. Гюлена. На современном этапе Турция замещает эту образовательную нишу проектами государственного фонда «Маариф», который выступает официальным и подконтрольным Анкаре инструментом «мягкой силы».

Исторически формирование институционализированного тюркского сотрудничества произошло в 2009 г. посредством подписания Нахичеванского соглашения. Это соглашение имело важный геополитический контекст, поскольку создавало постоянную организационную структуру. Изначально Нахичеванское соглашение подписали 4 страны — Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Турция, утвердив тем самым «Совет сотрудничества тюркоязычных государств», или Тюркский совет [Общая сила тюркского мира..., 2025]. В 2019 г. Нахичеванское соглашение ратифицировал Узбекистан, став полноправным членом Тюркского совета [Узбекистан ратифицировал..., 2019]. Туркменистан и Венгрия имеют статус наблюдателей. Вступление Узбекистана придаёт новый импульс деятельности Совета и способствует достижению геополитического баланса среди тюркоязычных государств. Благодаря центральному положению в Центральной Азии (граничит со всеми странами региона и Афганистаном), его членство значительно расширяет повестку дня и потенциал организации. С населением в 33 миллиона человек Узбекистан становится крупнейшей по численности населения страной-членом из ЦА. Это существенно укрепляет экономическую, поли-

тическую и военную мощь Совета, повышая его конкурентоспособность среди других евразийских организаций [Чжан, 2023, с. 79—80].

Нахичеванское соглашение определило основные цели организации:

- 1) укрепление взаимного доверия и дружбы;
- 2) развитие политического диалога;
- 3) расширение экономического и культурного сотрудничества;
- 4) координацию по региональным и международным вопросам.

Последующее преобразование в ОТГ на Стамбульском саммите 2021 г., закреплённое в Стамбульской декларации, ознаменовало новый этап, подчёркнув стремление к более широким форматам сотрудничества, включая оборону и безопасность. Для Турции ОТГ является не просто форумом, но и стратегическим каналом для институционализации своего влияния, обеспечения лояльности и развития региональных связей в контексте видения турецкого евразийства с упором на ЦА и Кавказ и в контексте многополярного мира.

В экономическом измерении ОТГ служит платформой для развития торговли, инвестиций и инфраструктурных проектов, что способствует экономической интеграции и укреплению позиций Турции как важного экономического партнёра создавая тем самым «тюркское экономическое пространство». Одним из ключевых инструментов является Союз тюркских торгово-промышленных палат, созданный на основе Тюркской торгово-промышленной палаты в 2023 г. Союз Тюркских Торгово-промышленных палат представляет собой международную платформу, призванную развивать взаимоотношения и сотрудничество в тюркском мире. Эта организация признана эффективным инструментом для расширения многостороннего взаимодействия между государствами-членами, охватывающего такие сферы, как торговля, инвестиции, транспорт, энергетика, туризм, а также культурно-гуманитарный обмен [Заседание союза тюркских..., 2023]. Учреждение Тюркского инвестиционного фонда в 2023 г., согласно Соглашению о создании Тюркского инвестиционного фонда, является стратегическим шагом, призванным обеспечить финансовую основу для совместных проектов и активизации инвестиционной деятельности Турции в Центральной Азии [Turkish Investment Fund, 2023]. Турция стремится к созданию зоны свободной торговли в рамках ОТГ, что значительно увеличило бы объёмы товарооборота и укрепило бы экономические связи, снижая зависимость от внешних рынков. В рамках Стратегии тюркской экономической интеграции активно разрабатываются меры по гармонизации законодательства и стандартов.

В области безопасности ОТГ становится платформой для координации усилий по обеспечению региональной стабильности, противодействию общим угрозам и укреплению оборонного потенциала, что отражает растущие амбиции неопантюркистской повестки в области безопасности. В этом контексте особую значимость приобретает концепция «Армии Турана». Хотя она не является официальной структурой в рамках ОТГ, идея о создании единой или тесно координированной тюркской военной силы имеет глубокие корни в пантюркистских идеалах. На официальном уровне в рамках ОТГ этот концепт трансформируется в более прагматичные, но стратегически важные шаги: усиление военно-технического сотрудничества, развитие оперативной совместимости и совместные во-

енные учения. «Тюркское видение 2040» также включает разделы, посвященные углублению сотрудничества в области безопасности и обороны, направленные на укрепление взаимного доверия и механизмов коллективного реагирования на вызовы [Turkic World Vision 2040, 2021].

Несмотря на очевидные успехи и стратегическое значение Организации тюркских государств (ОТГ) для Турции, полная реализация неопантюркистских амбиций сталкивается с рядом вызовов и ограничений. Турция вынуждена действовать в сложном геополитическом контексте Центральной Азии, формируемом историческим влиянием России (через ОДКБ и ЕАЭС) и растущей экономической доминантой Китая (в рамках инициативы «Пояс и путь»). В этих условиях центральноазиатские государства последовательно проводят многовекторную внешнюю политику, стремясь избежать чрезмерной зависимости от какого-либо одного центра силы. Тем не менее, Турция продолжает рассматривать ОТГ как фундаментальную платформу для углубления своих связей с Центральной Азией, используя комплексный подход, охватывающий культурное, экономическое сотрудничество, а также кооперацию в сфере безопасности, что позволяет ей последовательно реализовывать свою неопантюркистскую и евразийскую стратегию.

Мягкая сила Турции и России в ЦА как в стратегически значимом регионе

Турция успешно распространяет свою мягкую силу на данный регион с момента развала СССР, представляя свою государственную систему как уникальную модель Западной светской державы с устоявшимися мусульманскими традициями.

Для распространения мягкой силы в виде культуры, языка, образования и религии, Турция использует различные инструменты в виде национальных и международных организаций. К ним можно отнести упомянутый ранее Фонд Юнуса Эмре, занимающийся открытием центров изучения турецкого языка и культуры. Также в образовательной сфере значительную роль играют стипендиальные программы, такие как Turkey Scholarship (Türkiye Bursları) по которым обучается 14 500 студентов [UDEP, 2025], а также религиозные стипендии, которые выдаются управлением по делам религий в Турции (Диянет). За последние 20 лет Турция предоставила 26 тысяч стипендий студентам из тюркоязычных стран для обучения как в Турции, так и в местных филиалах [Москаленко, 2021, с. 128—132].

Согласно сопоставимым данным за 2022—2023 гг., в турецких университетах обучалось более 12 тыс. граждан Туркменистана, свыше 6,2 тыс. студентов из Узбекистана, около 12 тыс. граждан Казахстана, за шесть лет увеличившись более чем в пять раз; порядка 2,3 тыс. студентов из Кыргызстана, а также несколько сотен студентов из Таджикистана, преимущественно по гуманитарным и инженерно-техническим направлениям. Совокупный контингент студентов из Центральной Азии в Турции составляет около 35 тыс. человек [Троицкий, 2024, РСМД].

Российская Федерация, в свою очередь, остается лидером по количеству иностранных студентов из рассматриваемого региона. Во время заседания саммита «Россия—Центральная Азия» В.В. Путин объявил, что в России обучаются около 212 тыс. студентов из ЦА. Также в регионе работают 25 филиалов Российских вузов и открываются школы с преподаванием на русском языке [РИА новости, 2025].

Тем не менее, в образовательной сфере существуют негативные тенденции, которые не способствуют углублению сотрудничества в сфере образования между РФ и центральноазиатскими республиками. В первую очередь это дерусификация (постепенный отказ от изучения русского языка) и тенденции сокращения русскоязычного населения. В значительной степени убывает этнически русское население, сокращается число русскоговорящих в особенности в регионах, где статус русского языка не определен. Так, в Туркменистане доля нерусского населения, свободно владеющего русским языком, уменьшилась более чем в 3 раза (с 32 % до 9,5 %), в Узбекистане этот показатель уменьшился более чем в 2 раза (с 27 % до 12 %) [Потоцкая, 2023, с. 488—500]. Данное явление обусловлено прежде всего конкуренцией между Российской Федерацией и Турецкой Республикой в сфере образовательного сотрудничества, при этом турецкие дипломы о высшем образовании обладают более высокой степенью признания и востребованности в европейском образовательном и профессиональном пространстве. С постепенным уходом России из болонской системы данная тенденция будет ухудшаться, так как все больше турецких студентов захотят остаться в Европейской системе образования. В связи с этим студенты все чаще выбирают для изучения китайский, турецкий или английский языки для получения образования за рубежом.

Таким образом, при анализе моделей сотрудничества «Центральная Азия—Россия» и «Центральная Азия—Турция» можно констатировать, что в последние годы Турция, если и не демонстрирует устойчивое опережение, то по меньшей мере находится на сопоставимом уровне с Российской Федерацией по степени привлекательности и эффективности инструментов «мягкой силы» в странах Центральной Азии, а в отдельных аспектах — демонстрирует более выраженную положительную динамику. Однако русский язык все еще является связующим звеном региона, так как он находится в статусе официального языка региональных организаций, в которых состоят страны ЦА (ОДКБ, ШОС, СНГ, ЕАЭС). В этом плане русский язык имеет геополитическое значение, которое при должном подходе будет играть благоприятную роль в продвижении русского языка и культуры в регион. Турция, в свою очередь, также имеет международные механизмы для распространения мягкой силы.

Экономические интересы и социально-экономические вызовы

ЦА обладает богатейшими природными ресурсами — газом, нефтью и полезными ископаемыми. Поэтому в регионе ведется жесткая конкуренция за партнерство в ресурсной сфере. Здесь за экономическое партнерство столкнулись ин-

тересы России, США, ЕС, Ирана, Китая и Турции. В ниже представленной таблице всесторонне показано влияние ключевых акторов в регионе. Турция находится больше на третьих ролях в области экономической интеграции в регионе, что, безусловно, далеко от создания «Великого Турана», тем не менее является свидетельством стратегической заинтересованности Турции в данном регионе.

После изменения баланса сил в международных отношениях в 90-х годах Анкара поставила перед собой задачу глубокой экономической интеграции с данным регионом. Турция имеет амбиции стать «энергетическим хабом», переправляя богатые природные ресурсы ЦА в Европу. У Анкары существуют удачные проекты в сфере энергетики с бывшей советской республикой Азербайджан, где в 2006 г. был сдан в эксплуатацию трубопровод Баку—Тбилиси—Джейхан (БТД), который обеспечивает поставки 50 млн т сырой нефти в год. Однако интересы Турции в данный момент затрагивает не только Азербайджан, но и крупнейшие экспортеры энергоносителей в ЦА — Казахстан и Туркменистан. В 1990-е годы Анкара была особенно заинтересована в нефти Казахстана и в газе Туркменистана. Однако транспортировка туркменского газа не осуществилась по финансовым причинам, и в этом случае Турция отдала предпочтение России (трубопровод «Голубой поток»).

Турция стремится развивать торговлю и расширять рынки сбыта, активно проникая на рынки стран ЦА, особенно в легкой промышленности и машиностроении. Турецкие прямые инвестиции в евразийских государствах превысили 10 млрд долл. Объем торговли Турции со странами региона в 2019 г. был реализован на уровне 2,5 млрд долл. с Узбекистаном, 3,13 млрд долл. с Казахстаном, 944 млн долл. с Туркменистаном. В Киргизии действуют около 400 Турецких компаний, налажено двусторонне сотрудничество с Таджикистаном [Москаленко, 2021, с. 128—132]. За последние годы товарооборот между Турцией и ЦА значительно возрос. Турецкие компании активно работают в строительстве, сельском хозяйстве и других секторах, что способствует экономическому развитию стран региона. Согласно Данным центрального банка, Турция входит в тройку ближайших экономических партнеров Туркменистана и Таджикистана. Также, Турция активно сотрудничает и с другими странами региона.

Определённым исключением, обусловленным сложностью двусторонних отношений, является Республика Узбекистан. Несмотря на то что в настоящее время Турция выступает одним из ключевых партнёров Узбекистана, в исторической перспективе экономическое взаимодействие между двумя государствами отличалось нестабильностью и повышенной напряжённостью по сравнению с отношениями Турции с другими странами Центральной Азии, особенно в период до 2016 г. Кульминацией данной нестабильности стал 2014 год, когда узбекские власти предприняли меры по вытеснению турецкого бизнеса с внутреннего рынка и закрытию представительств турецких торговых организаций. При этом в экспертном сообществе высказывалось мнение о том, что выдвигавшиеся в отношении турецких предпринимателей обвинения, включая связи с запрещёнными религиозными структурами, носили инструментальный характер и использовались в рамках конкурентной экономической борьбы [Джакупов, 2018, с. 442].

Более того несмотря на то, что Турция традиционно имела крупные инвестиции в узбекскую экономику и большой объем товарооборота, она не считалась стратегически важной для Узбекистана в такой же степени, как Россия, США или страны Евросоюза, что ограничивало ее влияние.

Таблица 1

Акторы	Инструменты и стратегия экономической интеграции	Масштаб партнерства	Ограничения и особенности
Турция	Транспортная логистика — TANAP, БТД; продвижение «Срединного коридора» (МС); сотрудничество в строительстве, легкой промышленности; Безвизовый режим и лояльные нормы для трудовых мигрантов. Координация рыночных преобразований при помощи ТІКА	Общий товарооборот: 12 млрд долл. (2022); Казахстан — 4,7 млрд долл. (2022); Узбекистан — 3,1 млрд долл. (2023, 4-е место). Второй после России центр притяжения трудовых мигрантов ЦА. [Абдусатторова, 2025, С. 584]	Заметно уступает России и Китаю по экономическому влиянию. Не обладает достаточным финансовым потенциалом для роли «локомотива регионального сотрудничества». Сталкивается с интересами других стран
Китай (КНР)	Фокусируется на промышленных инвестициях и взаимосвязанности (Trans-Caspian, железная дорога Китай—Кыргызстан—Узбекистан). Использует стратегию стимулирования малого бизнеса, переход к высокотехнологичным секторам («летающие гуси»)	С 2010 г. является крупнейшим торговым партнером ЦА. Экспорт в страны региона вырос в 25 раз с 2002 г. по 2022. [Международный бизнес. № 2: 24—60. Товарооборот Китая, 2022] Объем инвестиций в два раза превышает российские. Общий товарооборот со странами Центральной Азии — 94 млрд (2024) [Чоршанбиев, 2025]	Торговля несбалансирована; 55 % импорта из ЦА составляют углеводороды. [Лексютина, 2025, С 315] Отсутствие соглашений о свободной торговле (осложнено членством Казахстана и Кыргызстана в ЕАЭС)
Россия (РФ)	Использует механизмы ЕАЭС (институциональный подход). Развивает промышленную кооперацию (машиностроение, горнорудная, электротехника). Активно использует торговлю со странами ЦА для обхода санкций. Продвигает проекты в горнорудном секторе и энергетике	Сохраняет устойчивые торговые связи. Крупнейший импортер несырьевой продукции из большинства стран ЦА. Общий товарооборот — 45 млрд долл. [Известия, 2024]	Рост торговли меньше и объем инвестиций ниже, чем у КНР и ЕС. Санкционное давление западных стран
Европейский Союз (ЕС) / США	Экономика через мягкую силу — Американский университет в Бишкеке. ЕС продвигает демократизацию, верховенство права и свой опыт региональной интеграции	Объем инвестиций, привлеченных странами ЦА из ЕС, выше, чем из РФ (105 млрд евро с 2013—2023) ЕС является одним из ключевых мировых потребителей сырья из региона. Общий товарооборот — 47 млрд долл. [МИД Казахстана, 2023]	Подход ЕС часто шаблонный и не всегда адекватен региональной специфике. ЕС уделяет ЦА меньше внимания, чем «Восточному партнерству». Интерес США в основном определяется проблемой Афганистана

Акторы	Инструменты и стратегия экономической интеграции	Масштаб партнерства	Ограничения и особенности
Иран	Транспорт и международная торговля: использует инструменты международной торговли. Стремится создать единые транспортные сети из стран региона к берегам Персидского залива	Является важным внешнеэкономическим партнером Туркменистана и Таджикистана. Участвует в проектах, связанных с коридором «Север-Юг» и транзитом грузов (например, тестовый транзит китайского контейнерного состава через Туркменистан и Иран)	Религиозная специфика (приоритет шиитских традиций) ограничивает его широкое влияние, которое было активно воспринято только Таджикистаном

За последние десятилетия Турция прикладывает заметные усилия для обеспечения всестороннего экономического партнерства со странами региона и большинство проектов действительно удаются благодаря привлекательности турецкой модели экономического развития для развивающихся стран ЦА через мягкую силу и связь с Европой. Однако Турция является сравнительно новым игроком в данном регионе, где уже устоялись прочные языковые связи с Россией и налажена экономическая интеграция через международные институты, такие как ЕАЭС. Турция имеет положительный торговый баланс с регионом и общие транспортные и инфраструктурные проекты, несмотря на отсутствие общих границ. Турция также является важным путем диверсификации импорта для стран ЦА, поэтому для стран региона и Турции важно начать переговоры по соглашению о свободной торговле отдельно и в рамках евразийской интеграции.

Широкое стратегическое партнерство Турции в регионе тормозит ее экономическая слабость и ограниченный инвестиционный или ресурсный потенциал, которые не позволяют ей конкурировать с глобальными державами. С точки зрения экономического влияния и стратегической значимости, Турция заметно уступает России и Китаю. Китай является ведущей экономической силой, а Россия занимает традиционно тесные экономические отношения и лидирующие позиции в построении архитектуры безопасности региона.

Проблемы безопасности в Центральной Азии и пути их решения

В Центральной Азии существует множество проблем безопасности — от наркотрафика до терроризма, которые в значительной степени играют роль в ведении внешней политики государств региона. Важнейшими элементами обеспечения безопасности являются интеграционные структуры, такие как ОДКБ, в который входят Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, а также Россия, Армения и Беларусь; ШОС, состоящий из Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана. Цели данных организаций заключаются в противодействии угроз, исходящих из Афганистана, защите инфраструктуры и противодействии сепаратизму, терроризму и экстремизму. Россия и Китай заинтересованы в безопасности данного региона, так как политическая обстановка в Центральной

Азии напрямую влияет на геополитические и экономические интересы обеих стран.

Россия, к примеру, предоставляет широкий спектр оборонной продукции, укрепляет свои военные базы и готовит значительное число военных кадров для силовых структур региона, где в военных вузах обучаются военнослужащие из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

Турция стремится стать ключевым партнером в сфере безопасности в регионе, наращивая двусторонние и многосторонние отношения со странами региона. Однако в ЦА уже сложилась система региональной безопасности, где доминируют многосторонние институты, контролируемые Россией и Китаем, а также двустороннее сотрудничество с США, которые исторически размещали военные базы в Узбекистане и Кыргызстане. США и ЕС используют гуманитарные, военные и идеологические механизмы сотрудничества. Создание формата «С5+1» по инициативе Японии, поддержанной западными государствами, стало значимым инструментом воздействия на региональную архитектуру безопасности. Цель объединения заключалась в обсуждении региональных вопросов в сферах экономики, экологии и безопасности с участием стран ЦА. Также не стоит забывать про таких немаловажных акторов, заинтересованных в безопасности региона как Иран, который стремится противостоять Западу в данном регионе и ищет для этого союзников, а также военное присутствие Индии, которое до недавних пор осуществлялось в Таджикистане.

Таджикистан занимает обособленное положение в Центральноазиатском регионе, оставаясь единственным государством, не входящим в Организацию тюркских государств (ОТГ) из-за своей персоязычной идентичности. Будучи этнолингвистическим исключением в тюркоязычном окружении, Душанбе фактически выведен из-под действия ключевых инструментов регионального влияния Анкары, основанных на пантюркизме. Несмотря на активное развитие двусторонних отношений с Турцией, особенно в сфере военно-технического сотрудничества и безопасности, Таджикистан сознательно дистанцируется от институциональной интеграции в рамках ОТГ, предпочитая традиционные платформы взаимодействия, такие как ШОС и ОДКБ.

В регионе наблюдается геополитическая конкуренция между западными государствами и блоком Россия—Китай. Турция, несмотря на членство в НАТО, придерживается гибкой внешнеполитической позиции. Эта конкуренция отличается определенной сдержанностью, что обусловлено наличием конструктивных двусторонних отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой, а также стремлением сторон избежать эскалации противоречий. Соединенные Штаты Америки и Европейский союз поддерживают инициативы Турции по обеспечению региональной безопасности, рассматривая ее как формирующийся центр силы и надежного партнера в данной сфере.

По инициативе Анкары была учреждена Евразийская ассоциация правоохранительных органов с военным статусом (ТАКМ) для сотрудничества в противодействии организованной преступности, терроризму и контрабанде. Турция также обучает военнослужащих стран ЦА в турецких военных заведениях. В 1990-х

годах в Турции было обучено около 1800 военнослужащих из тюркоязычных стран.

Данное сотрудничество представляет собой важный аспект региональной политики, особенно в контексте борьбы с терроризмом и экстремизмом. Анкара уже вошла в топ поставщиков оружия и техники странам Центральной Азии. Так, за последние 10 лет Анкара поставила около 50 самолетов в страны ЦА, а также 40 бронемашин. Начиная с 2011 г., Турция является главным поставщиком кораблей для Туркменистана, продавая патрульные корабли для Туркменского флота на Каспийском море. [Armstrade, 2025] Турция также предлагает новейшее вооружение, такое как БПЛА Bayraktar TB-2. Более того, страны ОТГ активно сотрудничают между собой в оборонной сфере: Турция активно проводит учения со странами Центральной Азии, [Вечерний Бишкек, 2024].

Турция является привлекательным регионом ЦА, продвигая светскую модель государства с мусульманским населением, позиционируя ее как образец развития тюркского государства и эффективный способ борьбы с религиозным экстремизмом. Анкара стремится взять на себя главную роль в борьбе против проникновения радикальных исламистов в страны ЦА — Турция участвовала в международных силах содействия безопасности в Афганистане, что символизировало ее вклад в безопасность всего региона.

Основная выгода стран Центральной Азии от отношений с Турцией в рамках безопасности прежде всего диверсификация внешнеполитических связей, которая способствует снижению зависимости от России и Китая. Привлекательность Турецкой Республики для государств Центральной Азии обусловлена наличием оборонного потенциала, превосходящего по техническим характеристикам вооружение стран региона и соответствующего стандартам НАТО. Дополнительным фактором сближения выступает турецкая модель государственного устройства, сочетающая принципы светскости с учетом интересов и идентичности мусульманского большинства населения. Общая культура и связь с Западом также является важным фактором становления Турции как надежного партнера по безопасности для стран региона.

Тем не менее, в сфере безопасности есть намного более важные игроки для Центральной Азии — Россия и Китай. Турецкие амбиции ограничиваются слабыми финансово-экономическими возможностями и недостатками ресурсов (военных, технологических), чтобы стать лидирующей державой в безопасности региона и конкурировать с Россией и Китаем. Также интеграционные усилия Турции (например, идея «Армии Турана» или политическая интеграция) вызывают опасения у России, КНР и Ирана, которые видят в пантюркизме угрозу своим интересам. Любого рода антироссийская и антикитайская политика может быть поводом для более жесткой конфронтации в регионе.

Дополнительным фактором выступает институциональное различие в сфере коллективной безопасности: членство Турецкой Республики в НАТО контрастирует с участием большинства государств Центральной Азии в ОДКБ. Антагонизм данных военно-политических блоков предопределяет трансформацию региональной конъюнктуры и смещение баланса сил в случае гипотетического соперничества Анкары с Москвой за статус ключевого стратегического партнера.

Вследствие этого турецкие инициативы зачастую сталкиваются с осторожностью национальных элит, стремящихся к диверсификации внешних связей и избегающих установления новой асимметричной зависимости от внешних центров силы.

В архитектуре безопасности Центральной Азии Турецкая Республика позиционируется как проводник интересов западных государств и актор, претендующий на лидерство в рамках тюркской интеграции. Анкара предлагает альтернативную модель взаимодействия, возможности которой, однако, детерминированы лимитами её экономического и оборонного потенциала. Если Российская Федерация и КНР выступают в качестве основных гарантов региональной стабильности и инфраструктурного развития, то Турция выполняет роль медиатора, стремящегося институционализировать этнокультурные связи региона с Западом. Тем не менее, на современном этапе данные инициативы характеризуются недостаточной институциональной и ресурсной устойчивостью.

Заключение

С 90-х годов Турция зарекомендовала себя как надежного партнера для государств Центральной Азии, активно развивая свое экономическое и культурное присутствие в регионе, а также в усилиях обеспечения безопасности. Внешнеполитическая траектория Турецкой Республики в ЦА представляет собой сложную, многоуровневую стратегию, концептуально базирующуюся на идеях турецкого евразийства и неопантюркизма. Анкара, осознавая геополитическое значение региона, активно использует Организацию Тюркских государств как ключевой рычаг для институционализации своего влияния в сферах гуманитарного, экономического и оборонного сотрудничества. В сфере «мягкой силы» Турция демонстрирует динамичное расширение регионального присутствия, транслируя модель светского устройства в сочетании с исламской идентичностью через образовательные и культурные каналы. Тем не менее, решающая роль в данных процессах сохраняется за Российской Федерацией как традиционным стратегическим партнером региона.

Тем не менее, полная реализация неопантюркистских амбиций Анкары сталкивается с серьезными системными ограничениями и вызовами, которые определяются многовекторностью внешней политики стран ЦА и жесткой геополитической конкуренцией. Сравнительный анализ политики Турции с действиями других ключевых партнеров региона выявил существенный дисбаланс сил. Китай занимает доминирующие позиции в экономической сфере, выступая крупнейшим торговым партнером и инвестором, а его инициатива «Один пояс — один путь» существенно превосходит турецкие инфраструктурные проекты по масштабу. В свою очередь, Россия сохраняет традиционно прочное влияние в сфере региональной безопасности (через ОДКБ) и является основным культурно-лингвистическим якорем. Ограниченный финансовый и инвестиционный потенциал Турецкой Республики не позволяет ей на равных конкурировать с глобальными державами, что ставит под вопрос возможность Анкары стать подлинным «локомотивом» региональной интеграции.

В заключение необходимо отметить, что в условиях необходимости балансирования между конкурирующими глобальными центрами силы Турция продолжит рассматривать ОТГ в качестве стратегической платформы для интенсификации взаимодействия с Центральной Азией. Значительный потенциал для реализации интересов Анкары представляет интеграция Азербайджана в региональные форматы сотрудничества, выраженная, в частности, в его участии в формате консультативных встреч глав государств Центральной Азии с 2025 г.

По мнению экспертов, присоединение Азербайджана к формату создаёт новое геополитическое пространство между Центральной Азией и Южным Кавказом [Абдулкеримов, 2025]. Поскольку Азербайджан выступает ближайшим стратегическим союзником Турции, углубление интеграции между Баку и государствами Центральной Азии создает для Анкары исключительную возможность для дальнейшего расширения своего влияния в регионе. Однако, конкретные механизмы и формы турецкого участия, связанные с этой растущей центральноазиатско-азербайджанской кооперацией, требуют дальнейшего, более детального исследовательского анализа. В целом, идеологические концепции турецкого евразийства и неопантюркизма следует рассматривать скорее как стратегический вектор, нежели как доктрину, реализуемую в краткосрочной перспективе. Эффективность долгосрочной стратегии Турции в Центральной Азии будет определяться её способностью дополнить этнокультурную общность предоставлением конкурентоспособных альтернатив в сферах инвестиций, технологий и безопасности. Данные механизмы рассматриваются как необходимый инструмент диверсификации внешнеполитических и экономических связей государств региона, способствующий снижению их зависимости от существующих доминирующих акторов. Таким образом, в условиях продолжающейся глобальной трансформации, Турция, вероятно, закрепит за собой статус важного и надежного партнера стран ЦА, способного влиять на региональные процессы, не претендуя при этом на единоличное доминирование.

Библиографический список

Абдулкеримов Б. Саммит в Ташкенте ознаменовал новую эру в отношениях Центральной Азии и Азербайджана. URL: <https://www.aa.com.tr/ru> (дата обращения: 18.10.2025).

Абдусатторова Э.А. Турция и Центральная Азия: от постсоветской дипломатии к прагматическому партнерству // Вестник науки. 2025. Т. 4. № 85. С. 576—590.

Аватков В.А., Прилепский П.А. Турция и Центральная азия в период пандемии коронавируса // Мировая политика. 2022. № 2. С. 35—46.

Аватков В.А., Гузаеров Р.И. Евразийство в Турции: взгляд на Россию и формирование собственной парадигмы. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 4. С. 20—34.

Аржаев Ф.И. Геоэкономическая стратегия России в Центральной Азии в условиях санкционного давления // Научный результат. Экономические исследования. 2023. № 3. С. 5—15.

Бедрицкий А.В. Программа «Век Турции» и интересы России на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. 2025. № 5. С. 542—551.

Бурашникова А.Б. Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 2. С. 65—69.

Венцель С. В. Кризисы во внешней политике Турции на современном этапе // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 11. С. 154—163.

Волков И.В., Литвинов В.П. Турция и Центральная Азия: прошлое и настоящее в системе международных отношений // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2025. № 1. С. 95—102.

Гасанова А.Б. «Неопантюркизм» и Организация тюркских государств // Запад—Восток—Россия 2021: Ежегодник. Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. 2022. С. 52—56.

Гордиенко Д. В. Шанхайская организация сотрудничества как площадка для диалога по вопросам региональной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 37. № 322. С. 44—66.

Графов Д. Б. Стратегия балансирования во внешней политике Турции // Вестник МГИМО. 2022. № 3. С. 115—142.

Давлетбаков С. К. Пантюркизм и современная внешняя политика Турции // Скиф. 2022. № 6 (70). С. 230—234.

Джакупов Тимур Центральная Азия во внешнеполитической концепции Турции // Постсоветские исследования. 2018. № 5. С. 437—444.

Елена Г. Г. Роль исламского фактора во внешней политике Турции в Центральной Азии // Исламоведение. 2023. № 3 (57). С. 15—26.

Заседание Союза Тюркских Торгово-промышленных палат укрепляет сотрудничество. URL: <https://cci.kg/news/1/3706.html> (дата обращения: 18.10.2025).

Казанцев А.А. Куда идет Центральная Азия: меняющиеся роли глобальных игроков в перспективе до 2020 г. // ПОЛИТЭКС. 2012. № 1. С. 84—96.

Кириллова М. П. Эволюция внешней политики современной Турции // Гуманитарный акцент. 2018. № 4. С. 14—20.

Лексютина Я. В. Ориентиры торгово-экономического сотрудничества Китая с Центральной Азией // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. № 30. С. 309—323.

Москаленко В. А. «Мягкая сила» Турции в интеграционных процессах в Центральной Азии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 4-1. С. 128—132.

Общая сила тюркского мира: Организации тюркских государств 16 лет. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/%D0%BC%D0%B8%D1%80/%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B0%D1%8F-%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B0-%D1%82%D1%8E%D1%80%D0%BA%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0-%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D1%82%D1%8E%D1%80%D0%BA%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2-16-%D0%BB%D0%B5%D1%82/3706690#> (дата обращения 18.10.2025).

Петров Н.Д. Турция как проводник национальных и интернациональных интересов в Центральной Азии // Постсоветский материк. 2024. № 3 (43). С. 191—201.

Потоцкая Т. И. Центральная Азия как приоритетный геополитический регион постсоветского пространства: географический анализ // Вестник Удмуртского университета. Серия «Биология. Науки о Земле». 2023. № 4. С. 488—500.

Стамов Б. Военные учения стран ОТГ в Нагорном Карабахе — шаг к единству тюрков // Вечерний Бишкек 2024 URL: https://www.vb.kg/doc/438627_voennye_ucheniia_stran_otg_v_nagornom_karabahe_shag_k_edinstvy_turkov.html

Сулейманов А.В. Проблемы внешней политики Турции на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2014. № 3. С. 162—169.

Трещенков Е. Ю. Регион Центральной Азии в политике Европейского Союза // Современная Европа. 2022. № 1(108). С. 184—195.

Троицкий Е. Интернационализация высшего образования в Центральной Азии и роль России // РСМД. 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/internatsionalizatsiya-vysshego-obrazovaniya-v-tsentralnoy-azii-i-rol-rossii/> (дата обращения: 20.10.2025).

Турецкое евразийство: мифы и реалии турецкой геополитики. URL: https://zavtra.ru/blogs/mifi_i_realii_turetckoj_geopolitiki (дата обращения: 18.11.2025).

Узбекистан ратифицировал Нахичеванское соглашение. URL: <https://gratanet.com/ru/news/uzbekistan-ratifikiroval-nakhichevanskoe-soglashenie> (дата обращения: 18.10.2025).

Фесенко Е.С. Неопантюркизм во внешней политике Турции: направления взаимодействия с государствами Центральной Азии // Скиф. 2022. № 5 (69). С. 217—221.

Филоненко А. Е. Военное и военно-техническое сотрудничество России со странами Центральной Азии на современном этапе // Казачество. 2016. № 3(16). С. 7—16.

Хасанов Р.Ш. Парадигмальные основы современной внешней политики Турции // МНИЖ. 2015. № 7-4 (38). С. 96—98.

Чжан Юйянь. Организация тюркских государств (ОТГ): происхождение, мотивы, особенности и влияние // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17. № 1. С. 78—87.

Чоршанбиев П. Китай увеличил товарооборот со странами Центральной Азии // Asia Plus Tajikistan, 2025 [Электронный ресурс], URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20250203/kitai-uvlichil-tovarooborot-so-stranami-tsentralnoi-azii> (дата обращения: 25.10.2025).

Шангараев Р.Н. Идеологические аспекты внешней политики Турции // Обозреватель — Observer. 2017. № 11(334). С. 73—82.

Шепель Т.С., Ходоченко А.В. Национальные экономические интересы России в странах Центральной Азии в условиях трансформации мирового геоэкономического пространства // Финансовые исследования. 2023. № 1(78). С. 120—131.

Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 58—76.

Эршен Эмре. Турция и евразийская интеграция: идеология или прагматизм? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 111—125.

Юсупов М. Организационно-правовые, экономические и политические аспекты дипломатических отношений Турции и Центральной Азии // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2020. № 7 (9). С. 53—61.

Armstrade, World weaponry trade analysis center. URL: <https://armstrade.org> (дата обращения: 12.10.2025).

Turkic Investment Fund. URL: <https://www.turkicfund.org/> (дата обращения: 18.10.2025).

Turkic World Vision 2040. URL: <https://www.turkicstates.org/en/news/turkic-world-vision-2040> (дата обращения: 18.10.2025).

References:

Abdulkirimov, B. (n.d.). Sammit v Tashkente oznamoval novuyu eru v otnosheniyakh Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana [Summit in Tashkent Marked a New Era in Relations between Central Asia and Azerbaijan]. AA.com.tr. Retrieved from <https://www.aa.com.tr/ru> (accessed: 18.10.2025).

Abdusattorova, E. A. (2025). Turkey and Central Asia: From Post-Soviet Diplomacy to Pragmatic Partnership. *Vestnik nauki [Bulletin of Science]*, 4(85), 576—590.

Arzhaev, F. I. (2023). Russia's Geoeconomic Strategy in Central Asia under Sanctions Pressure. *Nauchnyy rezul'tat. Ekonomicheskiye issledovaniya [Scientific Result. Economic Research]*, 3, 5—15.

Avatkov, V. A., & Guzaerov, R. I. (2024). Eurasianism in Turkey: A View on Russia and the Formation of its Own Paradigm. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law]*, 17(4), 20—34.

Avatkov, V. A., & Prilepskiy, P. A. (2022). Turkey and Central Asia During the Coronavirus Pandemic. *Mirovaya politika [World Politics]*, 2, 35—46.

Bedritskiy, A. V. (2025). The “Century of Turkey” Program and Russia's Interests in the Post-Soviet Space. *Postsovetskiye issledovaniya [Post-Soviet Studies]*, 5, 542—551.

Burashnikova, A. B. (2013). Neo-Pan-Turkism and Neo-Ottomanism in Turkey's Foreign Policy. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations]*, 13(2), 65—69.

Chorshanbiev, P. (2025). *Kitay uvelichil tovarooborot so stranami Tsentral'noy Azii* [China Increased Trade Turnover with Central Asian Countries]. *Asia Plus Tajikistan*. Retrieved from <https://asiaplus.tj.info/ru/news/tajikistan/economic/20250203/kitai-uvlichil-tovarooborot-so-stranami-tsentralnoi-azii> (Accessed: 25.10.2025).

Davletbakov, S. K. (2022). Pan-Turkism and Modern Turkish Foreign Policy. *Skif*, 6(70), 230—234.

Elena, G. G. (2023). The Role of the Islamic Factor in Turkey's Foreign Policy in Central Asia. *Islamovedeniye [Islamic Studies]*, 3(57), 15—26.

Ershen, E. (2022). Turkey and Eurasian Integration: Ideology or Pragmatism? *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations]*, 22(1), 111—125.

Fesenko, E. S. (2022). Neo-Pan-Turkism in Turkey's Foreign Policy: Directions of Interaction with Central Asian States. *Skif*, 5(69), 217—221.

Filonenko, A. E. (2016). Military and Military-Technical Cooperation between Russia and Central Asian Countries at the Present Stage. *Kazachestvo*, 3(16), 7—16.

Gasanova, A. B. (2022). *West—East—Russia 2021: Yearbook*. Moscow: Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 52—56.

Gordienko, D. V. (2015). Shanghai Cooperation Organization as a Platform for Dialogue on Regional Security Issues. *Natsional'nyye interesy: priorityty i bezopasnost' [National Interests: Priorities and Security]*, 37(322), 44—66.

Grafov, D. B. (2022). Balancing Strategy in Turkey's Foreign Policy. *Vestnik MGIMO [MGIMO Bulletin]*, 3, 115—142.

Jacupov T. Central Asia in the Foreign Policy Concept of Turkey. *Post-Soviet Studies*, 2018, No. 5, 437—444.

Kazantsev, A. A. (2012). Where Central Asia is Heading: Changing Roles of Global Players in Perspective until 2020. *POLITEKS*, 1, 84—96.

Khasanov, R. Sh. (2015). Paradigmatic Foundations of Modern Turkish Foreign Policy. *MNIZh*, 7—4(38), 96—98.

Kirillova, M. P. (2018). Evolution of Modern Turkey's Foreign Policy. *Gumanitarnyy aktsent [Humanitarian Accent]*, 4, 14—20.

Leksyutina, Ya. V. (2025). China in World and Regional Politics. *History and Modernity*, 30, 309—323.

Moskalenko, V. A. Turkey's “Soft Power” in Integration Processes in Central Asia. *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*, 2021, no. 4—1, pp. 128—132.

Volkov, I. V., & Litvinov, V. P. (2025). Turkey and Central Asia: Past and Present in the System of International Relations. *Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo evraziyskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo* [International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law], 1, 95–102.

Yusupov, M. (2020). Organizational, Legal, Economic, and Political Aspects of Diplomatic Relations between Turkey and Central Asia. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*, 7(9), 53–61.

Armstrade, World weaponry trade analysis center. URL: <https://armstrade.org> (accessed: 12.10.2025).

Zasedaniye Soyuza Tyurkskikh Torgovo-promyshlennykh palat ukreplyayet sotrudnichestvo [Meeting of the Union of Turkic Chambers of Commerce and Industry Strengthens Cooperation]. (n.d.). *cci.kg*. Retrieved from <https://cci.kg/news/1/3706.html> (accessed: 18.10.2025).

Zhang, Y. (2023). Organizatsiya tyurkskikh gosudarstv (OTG): proiskhozhdeniye, motivy, osobennosti i vliyaniye [Organization of Turkic States (OTS): Origin, Motives, Features and Influence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 17(1), 78–87.

Поступила в редакцию: 05.12.2025

Принята к публикации: 24.12.2025

Received: Dec 5, 2025

Accepted: Dec 24, 2025